

Мегаполисы - 2004 - 24 сент. - с. 12.

Юрий Башмет: «Я ваш, а вы – мои»

Главный дирижер оркестра «Новая Россия» ни за что не хочет расставаться с альтом

Андрей Хрипин

Госзаказ по культурному обслуживанию регионов различными оркестрами продолжается. Недавно из гострольной поездки по городам Урала, Сибири и Поволжья вернулся оркестр Юрия Башмета «Новая Россия». Башмет в провинции – узнаваемая личность, его долго мечтали увидеть «живьем», тем более в новом амплуа. Башметовское чутье музыки, его нестандартный взгляд на вещи, равно как и потенциал самого оркестра, способны в перспективе из крепко сыгранного коллектива сделать по-настоящему зрелый оркестр.

- Юрий Абрамович, для вас гастроли по российской провинции – необходимость или потребность?
– Конечно, потребность. Я люблю ездить по России больше, чем по Европе, хотя и там есть любимые города и залы. Присутствовать энное время в Лондоне, Париже и других «ответственных» местах необходимо, потому что в нашем деле живой концерт, несмотря на

той, что приходит к вам в Челябинске или Омске?

– Вдали от столиц публика более открытая и спонтанная. Нельзя сказать, что в Москве она не темпераментная – скорее более избалованная. Даже в те «закрытые времена», когда я учился, в Большом зале консерватории в течение недели можно было ходить на концерты самых великих музыкантов земного шара – Ростроповича, Рихтера, Гилельса, Ойстраха, Когана. В Челябинске этого никогда не было. Такое впечатление, что они проголодались: слушают потрясающе. Между частями симфонии нет аплодисментов, то есть знают, что к чему. А то, что эмоционально не выдерживают и начинают хлопать после Скерцо в Шестой Чайковского, так это во всем мире так, правильное место для разрядки перед дальнейшим «летальным исходом». А вообще по поводу аплодирования между частями мы ничуть не хуже, а даже лучше Запада, серьезно. Кабелевский замечательно сказал на этот счет: «Я радуюсь, это значит, что у меня появился новый слушатель».

– Как ваш молодой оркестр выживает в условиях жесткой московской конкуренции (или, скажем так, в соседстве) с грандами симфоничес-

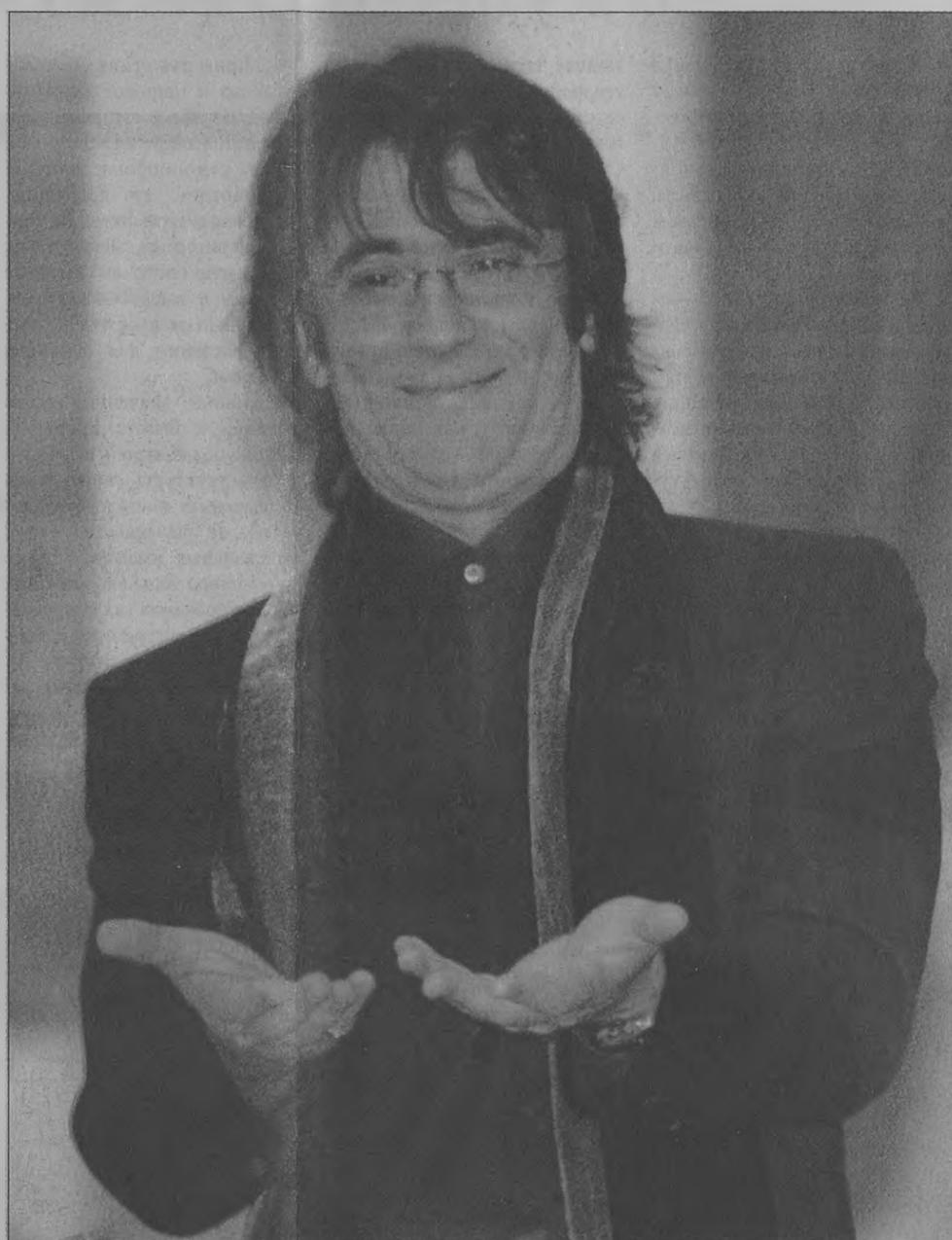
го, то музыканту до 30 гораздо проще это выполнить, перестроиться, а зрелый игрок часто находится в плену инерции своего ремесла. Простая жизненная арифметика. Поэтому молодой оркестр – то, что мне надо: легкий, подвижный, гибкий и взрывоопасный. Это тот самый случай, когда у оркестра может быть мое лицо. Мы не называемся национальным оркестром. «Национальный» – это что-то, с трудом вписывающееся в российский менталитет. Национальный оркестр в многонациональной стране? А с точки зрения конкуренции оркестров проблемы нет. Во-первых, нет одинаковых отпечатков пальцев, и никогда не сыграют одинаково плетневский и спиваковский оркестры. Другое дело, что, может быть, многовато оркестров для одной Москвы. Замечательно, что наш президент открыл для оркестров своеобразную финансовую форточку в виде грантов. Конечно, достались гранты далеко не всем, причем кому-то – явно за прошлые заслуги. Будем надеяться, что это движение государства к классической музыке не задохнется.

– Как же вам удастся быть в полном порядке без президентского гранта?

– Лично я никак не могу обижаться по той простой причине, что на момент распределения грантов я еще не возглавлял свой нынешний оркестр, которому тогда было всего 10 лет. Ко мне и раньше поступали предложения – от Госоркестра, РНО, когда Плетнев уходил на время, но я всегда отказывался. А тут согласился с радостью, правда, поставил перед министром ряд условий.

– После полутора сезонов работы с «Новой Россией» сохранились ли у вас амбиции сделать из него «лучший оркестр»?

– Очень люблю слово «амбиции». Каждое слово в разных языках и в разное время имеет свой оттенок. Если в Англии про человека говорят «амби-

Юрий Башмет не против, когда его называют амбициозным. Фото Артема Житенева (НГ-фото)

циозный», это означает нечто очень позитивное: у человека есть цель, к которой он стремится. А у нас то же слово имеет чуть ли не постыдный оттенок: возгордился, задрал нос или хочет больше, чем может. Поэтому – да, у меня сохраняется амбиция сделать из своего оркестра лучший. Если я не

буду так думать, то и движения вперед не будет. С одной стороны, это, конечно, громко сказано, но с другой – для себя я уже давно считаю его лучшим. Сказать и напечатать можно все что угодно – жизнь сама расставляет все по местам. Возьмите новый спиваковский оркестр. Еще не было

ни конкурса в оркестр, ни самого оркестра, чтобы составить впечатление, но уже было заявлено, что это будет лучший оркестр страны. Все относительно.
– Сегодня дирижирование становится профессией второй половины жизни, неким знаком респектабель-

ности и символом предельного статуса в музыке. Означает ли это, что и вы собираетесь потихоньку задвинуть свой альт на второй план?

– Вопрос, что называется, ниже пояса, попробую объяснить издалека. Уже очень много лет у меня идет стабильная сольная карьера. Возьмем, например, театр «Ла Скала», впервые в истории альтист дал там сольный концерт, это был я. Им понравилось, они пригласили на следующий сезон, и так пошло. Так же было и с «Сантори Холл» в Токио, «Карнеги Холл» в Нью-Йорке, «Концертгебау» в Амстердаме, залом «Музикферрайн» в Вене – я сейчас называю самые знаменитые залы. Но, извините, и Питере – все это впервые было связано со мной, волевым выступал первопроходцем. Дальше возникают проблемы другого рода, потому что тот же «Ла Скала», к примеру, не потерпит в афише композиторов второго или третьего ряда – можно играть музыку только уровня Моцарта, но никак не его современников вроде Диттерсдорфа или Хоффмайстера. Альтовый репертуар на самом деле очень большой, но шедевров, да еще написанных великими, недостаточно. Если брать Бетховена, то у меня нет в распоряжении 32 сонат, как у пианистов, а всего одно оригинальное произведение. Так же с другими композиторами. Поэтому и дирижирование возникло в свое время. Я ведь не могу на альте сыграть свою любимую Струнную серенаду Чайковского, изобразить Реквием Моцарта, а очень хотелось бы. Поэтому сначала возник камерный оркестр («Солисты Москвы». – А.Х.). А для того, чтобы исполнить Шестую симфонию Чайковского, и камерного оркестра уже недостаточно – нужен большой симфонический оркестр. Ос-

тавлять все набранное жалко, и без инструмента я тоже представить себя сегодня не могу.

– Задержка концертов происходит повсеместно или это редкий случай?

– Вопрос, в каком размере. Задержка на 5–10 минут во многих странах в порядке вещей, но в Германии, например, и одна минута опоздания – трагедия. Все зависит от страны и даже, допустим, от времени года. У меня был знаменитый случай с Гергиевым в «Санта Чечилии» на исполнении «Гарольда в Италии». Жара 36 градусов, мы приехали вовремя, но забыли мой фрак. Семь минут до выхода, фрак еще не привезли, я в джинсах стретч и в черной рубашке с дырками. Ждем. Остается минута, я уже готовлюсь выходить в чем есть, задержать нельзя – прямая трансляция. Приносят фрак, но директор зала, очень серьезный человек, говорит: «Нет-нет, немедленно на сцену». Успеваю только набросить фрак и иду. Перед самым выходом на сцену встречаюсь с Гергиевым, он с удивлением смотрит на мой вид: «М-да, а вот это лишнее», – и успевает выдернуть «из меня» ремешок ремня с большой пряжкой. Весь концерт я играл скособочившись, чтобы не оказаться без штанов, оркестр был в истерике, тем не менее в плане музыки это был один из лучших вариантов, а в статье писали о полистилистике и новом прочтении.

– Что с вашими оперными амбициями после успешного «Путешествия в Реймс» Россини в Академии Мариинского театра?

– Тогда это было концертное исполнение, а сейчас Гергиев хочет делать сценическую версию в Большом театре, но своими силами, и снова позвал меня. В Мариинке действительно очень хорошие силы в плане выучки и стиля, на каждую роль 6–7 человек. ■

Вдали от столиц публика более открытая и спонтанная

телевидение, CD и DVD, все равно сохраняет свой смысл и продолжает оставаться неотъемлемой частью самой специальности, надо успевать везде. А в России к самому факту исполнения прибавляется ощущение некой семейности: я ваш, а вы – мои. Даже если я кому-то не нравлюсь, я все равно «наш».
– Отличается ли «испорченная» московская публика от

кого дела и с такими «политически» продвинутыми новичками, как Национальный оркестр Спивакова?

– Оркестр «Новая Россия» полностью соответствует своему названию. Он самый молодой по возрасту музыкантов. Я люблю работать с молодежью. Оркестранты с возрастом приносятся делать что-то очень хорошо, но если дирижер вдруг требует чего-то нового и необычно-